

RICHARD
MORGAN

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО: НАТАЛИЯ ОСОЯНУ

THE COLD
COMMANDS

РИЧАРД
МОРГАН

ХЛАДНЫЕ
ЛЕГИОНЫ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
М79

Richard Morgan

THE COLD COMMANDS

First published by Gollancz,
an imprint of The Orion Publishing Group Ltd, London

Печатается с разрешения издательства Orion
при содействии литературного агентства «Синописис»

Перевод с английского: *Наталья Осояну*

Cover illustration by Jon Sullivan

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Copyright © 2011 by Richard Morgan
Cover illustration: © Jon Sullivan
© Наталья Осояну, перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2022

«Хладные легионы» посвящаются V.,
благодаря которой мне есть за что держаться

Говорю тебе: они там, в городе,
не в игры играют.
*Дж. Р. Р. Толкин. Две башни*¹

¹ Пер.: А. Грузберг, А. Застырец.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Добравшись до опушки леса за Хинерионом, Джерин увидел, как впереди дрожит воздух над поросшей кустарником равниной, и понял, что настал переломный момент.

Это их последний шанс: жизнь или смерть.

— Мы там изжаримся, — сказал он остальным тем вечером, когда они сидели в цепях и ждали кормежки. — Слышали, о чем болтают надсмотрщики? До Ихельтета по меньшей мере шесть недель, и всё на юг, с каждым шагом жарче. Думаете, ублюдки будут давать нам больше воды или еды, чем уже дают?

— Конечно, будут, идиот. — Тигет, бледнокожий грузный горожанин — явно слишком, мать его, ленивый, чтобы желать свободы любой ценой, фыркнул и шумно высморкался. Как и половина бедолаг, скованных цепью, он простудился. Тигет растер соплю на земле и сердито зыркнул на Джерина. — Ты что, не соображаешь? Нас хотят продать в Ихельтете. Как у них это получится, если мы не доживем, изголодаемся и превратимся в скелеты, пока прибудем туда? Может, ты слишком молод или туп, чтобы такое понять, чмо болотное, но это торговля. Умерев, мы не принесем ни гроша.

«Чмо болотное».

В некоторых районах Трелейна этого оскорбления было достаточно, чтобы мгновенно получить

формальный вызов на дуэль следующим утром на поле у холма Бриллин. В других местах за такое просто тыкали ножом под ребро и швыряли в ближайшую реку. Как и в остальных гранях городской жизни, предполагать можно одно и то же обо всех, но богатство и статус определяли последствия. Поэтому выше или ниже по течению, в Луговинах или портовых трущобах, истина была такова: ни один житель Трелейна не допустит болтовни о том, что в его жилах течет кровь болотных обитателей.

Джерин вырос на болотах и не поселился бы в городе ни за какие деньги. Он пропустил оскорбление мимо ушей, как делали сородичи с тех самых дней, как он себя помнил.

«Сейчас слишком многое стоит на кону».

— Ты когда-нибудь видел, как рыболовецкие суда заходят в гавань, Тигет? — спросил он ровным голосом. — По-твоему, все до единой рыбы в их сетях попадают на рынок?

За спиной Джерина раздраженно зазвенела цепь. Жесткий сердитый голос в сгущающейся тьме спросил:

— При чем тут рыба?

Еще один горожанин, чьего имени Джерин не помнил и который, в отличие от Тигета, выглядел исхудалым трудягой. За весь недельный марш он сказал от силы пару слов; на привалах проводил время, уставившись в пространство и двигая сжатыми челюстями, будто у него между зубами застряли последние волокна табака.

Как и большинство собратьев по несчастью, он, похоже, не осознал чудовищность того, что с ним сделали.

— Он несет какую-то хрень, — глумливо отозвался Тигет. — А разве может быть иначе? Я хочу сказать,

гляньте на него: болотный недоносок, совсем как те, что на рынке Стров гадают или показывают фокусы, потешая толпу. Читать-писать не умеет и считать наверняка может только до пяти. Он понятия не имеет, что на самом деле волнует торговцев.

Джерин мрачно улыбнулся.

— Ну, поскольку тебя и всех остальных, скованных цепью, продали за долги, я думаю, в этом смысле мы похожи.

Тигет выругался и бросился на него. Звякнула цепь, коротко и слабо, и тут же раздался протестующий хор: движение помешало остальным отдыхать. Тощий ухватил Тигета сзади, и пальцы толстяка дергались в паре дюймов от лица Джерина, пока Тигет не сдался и не рухнул на прежнее место.

— Сиди тихо, мудила долбаный, — прошипел тощий. — Хочешь, чтобы погонщики на нас кинулись? Хочешь закончить, как Барат?

Взгляд Джерина невольно метнулся к искореженным пустым кандалам, которые они тащили с собой на цепи. Верзила Барат, портовый сутенер по роду занятий, попал на аукцион тем же путем, что и Джерин, — через суд за уголовное преступление. Сутенер, как выяснилось, пырнул ножом аристократа, который гостил в трущобах и жестоко обошелся с одной из его девушек. Означенный аристократ имел связи в Луговинах, и он устроил так, что стражники, эти пропитые ленивые жопы, в кои-то веки взялись за дело: начали задавать вопросы и проломили пару несговорчивых голов. Кто-то заговорил, Барат угодил в тюрьму, где вместо того, чтобы покаяться, плюнул обвинителю в родовитую харю и попал на цепь. В общем, старая, всем горожанам известная песенка.

Сутенер относился к проданным за долги рабам с высокомерной неприязнью и первые три дня похода изводил их взрывами необдуманного насилия, которые обрывались внезапно, с отработанной, свойственной любому головорезу легкостью, и переходили в насмешки. По какой-то причине Джерина он почти не трогал, но цепь была достаточно свободной, чтобы дотянуться по меньшей мере до четырех-пяти собратьев по несчастью. В конце концов его поведение перестало веселить погонщиков и начало раздражать, так как создавало хаос.

На третий день, после пятой или шестой стычки, пара-тройка конных надсмотрщиков и владельцев каравана поехали назад вдоль цепи, чтобы посмотреть, из-за чего сыр-бор. Среди последних была женщина, и, после того как надсмотрщики, пустив в ход пинки и ругательства, восстановили порядок, она подозвала их бригадира, наклонилась в седле, чтобы с ним поговорить, а потом отправила к товарищам с потемневшим от досады лицом. Джерин не услышал ни единого слова, но понял, что произойдет, как понимал, когда ветер на болотах вот-вот переменится.

Он предпочел не делиться знаниями с Баратом, а сутенер был, по-видимому, слишком тупым или упрямым жителем портовых трущоб, чтобы догадаться самому. Позже, в тот же день, он затеял еще одну драку.

Погонщики взялись за него на следующий день, во время полуденной стоянки, когда всем разрешили облегчиться, и случилось это на противоположном берегу реки от Парашаля. Четверо мрачных мужиков с обветренными лицами и глазами, которые блестели как слюда, надвинулись все вместе, вооруженные длинными

деревянными дубинками. Они повалили Барата и вскрыли кандалы болторезами, которые носили на поясе, точно оружие. Неотвратимость их действий вынудила сутенера фыркать и брыкаться как испуганная лошадь.

К тому моменту, конечно, было слишком поздно.

Они затащили Барата, лягающего и вопящего, в ближайшую рощу и там забили до смерти. Это было достаточно близко, чтобы остальные рабы всё слышали: сильные удары по чему-то мягкому, какие раздаются, когда мясник рубит тушу; жуткие высокие вопли, очень быстро перешедшие в мольбы и булькающие стоны; и в конце концов тишина, которая была хуже всего, потому что звуки избиения продолжались. Джерин повидал немало жестокостей как на болотах, так и на улицах Трелейна, но даже по его меркам это убийство длилось целую вечность.

Менее закаленные люди на цепи, в том числе жертвы издевательств Барата, склонили головы и устали в землю, где сидели. Один или двое, прижав пальцы ко рту, боролись с рвотными позывами. Джерин старательно изображал насмешливое презрение, но быстро понял, что и сам дрожит от эмоций.

«Или, — сказал он себе, чувствуя легкое головокружение, — я просто заразился от Тигета насморком, прокляни его Хойран».

Вскоре шум прекратился, из-за деревьев вышли погонщики, гогоча и скаля зубы, как сытые волки. Дубинки они несли, ухарски закинув на плечо. Один лениво крутил болторез туда-сюда, задевая высокую, по колена, траву. Режущие кромки инструмента, испачканные в крови, ярко блестели в лучах полуденного солнца.

А позже невысказанная мысль поселилась в голове каждого молчаливого пленника; она тоже «ухмылялась», словно в цепи появился новый товарищ с черепом вместо головы: на месте Барата мог оказаться любой.

— Да, кстати, — мрачно сказал Джерин, когда Тигет затих под суровым взглядом тощего. — Думаете, это единственные пустые кандалы, какие придется увидеть на цепи? Каждый день опоздания на рынок в Ихельтете — денежки, утекающие сквозь пальцы этих уебков. По-вашему, они будут останавливаться или замедлять ход всякий раз, когда кто-то не выдержит жары на равнине?

— Они должны нас продать, — обидчиво огрызнулся Тигет. — Не в их интересах...

— Они должны продать кого-то из нас, о знаток торговли. Достаточное количество, чтобы окупить поход. Я ведь об этом уже спрашивал: по-твоему, капитану рыболовецкого судна есть дело до пары рыбок, потерянных у причала на разгрузке?

— Сколько тебе лет, сынок? — с любопытством спросил кто-то.

Джерин ослабилась во тьму, как умели только беспризорники.

— Пятнадцать. И вопреки тому, что заявил наш знаток торговли, считаю я получше чем до пяти. Я насчитал тридцать пять верениц рабов в караване, тридцать две головы в каждой. Это тысяча сто двадцать, минус Барат, и вы видели, что с ним случилось. Думаете, кто-то стóит лишней воды или ожидания, пока они будут нянчиться с нами? Идея простая, парни: маршируй или сдохни, а отстающих приберет Хойран. Вы

больше не граждане, а рабы. Если упадете, вас, быть может, пару раз пнут, чтобы посмотреть, подниметесь ли. Если нет... — Он развел руками в кандалах и пожал плечами. — От вас избавятся, бросят умирать на том же месте.

— Может, ты и прав, — медленно проговорил тощий. — Или нам просто нравится думать, что так случится с кем-то другим. Проклятье, это и впрямь может случиться с кем-то другим. Сюда-то мы все добрались.

Среди сбившихся в кучу фигур на цепи пронесся шепот согласия. Но когда он стих, тощий устался на юг, и по лицу было видно: собственные доводы не кажутся ему убедительными.

— Никогда не бывал в пустыне, — отрешенно проговорил он. — Даже не видел ее.

Кто-то яростно чихнул.

— Я уже видел, как маршируют или умирают, — сказал другой раб, сидевший поодаль. Половину его лица покрывали жуткие шрамы от плохо заживших ожогов, настолько сильных, что даже в слабом свете виднелись сморщенные контуры рубцовой ткани, когда он двигал головой. — На войне, во время отступления от Раджала. Малый прав, все так и происходит. Раненых оставляли там, где они падали. Вынуждали нас идти мимо, слушая, как бедолаги взывают о помощи, умоляют. Просят не оставлять их на поживу ящерам. И ведь мы в тот раз были не рабами, а гражданами, солдатами!

Тигет издал раздраженный возглас:

— Это не одно и то же — была война! Даже сравнивать нельзя с...

— Что такое, толстяк? — Тощий пленник устался на Тигета с открытой неприязнью. — Надеешься,

какая-нибудь богатая вдова из Ихельтета купит тебя, чтобы сделать писцом или дворецким, потому что ты у нас грамотей? Считаешь, что слишком хорош, чтобы вкалывать в шахте или таскать кирпичи, пока не сдохнешь?

— Не-а, он для такой работы слишком жирный, — глумливо произнес кто-то.

— Он и для вдовы слишком жирный, — раздался другой голос. — Разве что она купит его вместо подушки.

Рабы рассмеялись, негромко и зло. Тигет обиженно молчал.

— Он не будет толстым к тому времени, как мы туда доберемся, — тихо проговорил ветеран Раджала. — После марша, который нас ждет, он будет таким же обожженным солнцем, покрытым волдырями и сломленным, как остальные. Если выживет.

После его слов воцарилась тишина. Пленники смотрели друг на друга, медленно осознавая смысл сказанного. Большинство из них, несомненно, после ареста и продажи повидало достаточно примеров будничного насилия, а некоторые, моложе и посимпатичнее — как Джерин, — стали жертвами неизбежного группового изнасилования в темнице, как женщины, которые теперь маршировали, скованные отдельными цепями. Но, в общем и целом, этим людям еще не приходилось сталкиваться с мыслью, что они умрут.

Слабый, лихорадочный холодок пробежал по спине Джерина, когда он понял, что до сих пор и сам об этом не думал. Взвешивая один за другим планы, позволяющие выбраться отсюда, он предвидел множество плохих исходов, но ни один из них не был связан с его

собственной смертью. Он представлял различные жестокости, опираясь на увиденное или услышанное во время посиделок у костра. Снова и снова погружался в воспоминания об изнасиловании в камере долговой тюрьмы, понимая, что это может повториться — кто знает, сколько раз. Он даже поразмыслил, не сумев подавить дрожь, о кастрации, которая, как говорили, была вполне вероятной для рабов-мужчин в Ихельтете.

Однако он не подумал о том, что жизнь может закончиться. В глубине души не верил, что его самого могут оторвать от цепи и бросить, что он будет беспомощно кричать вслед остальным рабам, исчезающим в блеске пустынного солнца. Он, Джерин Ловкие Пальчики, пятнадцати лет от роду, едва начавший жить, останется лежать на песке, слишком слабый, чтобы пошевелиться и хоть что-нибудь сделать, не считая тихих молитв, обращенных к Темному Двору, Хойрану или Даковачу, Квелгриш или Хорчалату, Фирфирдар — или, мать твою, к кому угодно, лишь бы услышали, — и уговоров, льющих из него со скоростью полного ведра на веревке, выскользнувшего из усталых пальцев в колодец, и с той же скоростью будет ускользать надежда; он станет молить о том, чтобы его спасли, а потом — чтобы просто нашли, и не важно, новые работорговцы или бандиты; в конце концов все перейдет в мольбы о том, чтобы жажда и жара прикончили его до того, как он почувствует первые осторожные, быстрые тычки и рывки, когда кружащиеся над его дергающимся телом стервятники спикуруют вниз, намереваясь выклевать глаза...

Он содрогнулся — долбаная простуда! — и окинул печальным взглядом товарищей по плену.